

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ЛЕКСИЧЕСКИЙ СПОСОБ НОМИНАЦИИ И
НОМИНАЦИОННО-СИНТАКСИЧЕСКАЯ
КОНВЕРСИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

А.А. Буров

Под способом номинации обычно понимается определенный путь выявления внеязычного содержания и представления его в речи посредством языковых форм (1). Совершенно очевидно, что в речевой практике сосуществуют различные пути, выявляющие внеязычное содержание. Мы предполагаем, что все проявления номинационного плана можно рассматривать в качестве элементов многоуровневой речевой системы номинационного цикла, в основе которого лежит номинационно-синтаксическая конверсия – «переход единиц обозначения с одного уровня номинации на другой, с соответствующими изменениями номинационного качества» (2, с. 18).

Лексический способ номинации (ЛСН) проявляется на низшем уровне (субуровне) цикла.

Являясь продуктом длительного исторического развития языка, «аккумулятором» его энергии, слово занимает особое место в номинативной системе, выступая важнейшим номинатом – означающим применительно к языку и обозначающим применительно к речи (3, с. 214). Способность к систематизации и индивидуализации, обобщению и конкретизации, проявлению свойств виртуального и актуального (реального) – основные признаки слова как лексической номинации (ЛН) денотатов, в т.ч. – предметных.

Д.Н. Шмелев подчеркивал: «Слово представляет собой сложную и многоаспектную единицу. Поэтому исследованию

принадлежит и то, как образовано и как может изменяться слово... и то, как оно может сочетаться с другими словами, образуя более сложные единства, и то, что может обозначать, знаком чего может служить данное конкретное слово» (4, с. 6-7). Учитывая динамизм соотношения языка и речи и опираясь на функциональный подход к определению языковых единиц, следует признать, что слово является единицей, проявляющей способность «непосредственно соотноситься с предметом мысли как обобщенным отражением данного «участка» («кусочка») действительности и направляться (указывать) на последнюю; вследствие этого слово приобретает определенные лексические, или вещественные, свойства» (5, с. 422). Представляя лексический уровень языка, слово вступает в «сложное взаимоотношение с другими языковыми единицами (знаками других уровней)» (4, с. 60).

Как важнейший знак, слово осуществляет, наряду с другими знаковыми средствами, репрезентацию элементов действительности и обеспечивает выполнение номинативной функции – того главного, что является базой, основой лексической семантики. Слово способно, обладая самостоятельной номинативной функцией, закреплять в лексическом значении информацию о действительности.

Субуровень номинации представляет интерес как потенциал ЛН, закрепляющих информацию, полученную на привычном продвижении по пути познания и са-

мопознания. Поэтому в лексическом словаре, единственном вербальном хранителе информации, неизбежно образуются т.н. «лакуны» – зияния, «нулевые» лексические знаки определенных денотативных позиций.

Лексика представляет **первичный** уровень восполнения словарной недостаточности, где раскрывается лексико-деривационный потенциал русского языка. Словообразование является далеко не единственным путем заполнения «лакун» словаря. Одной из самых активных тенденций динамического обновления словаря выступает неологизация различного типа, что очень ярко проявляется сегодня в русском языке XX в.

Однако лексико-деривационный путь обновления словаря (а с ним – и нашего взгляда на мир и на самих себя) явно не удовлетворяет потребностям развивающегося социума. Задействуется **вторичный** уровень восполнения словарной недостаточности, который мы называем синтаксическим.

Номинационные возможности и ограничения ЛСН хорошо видны в номинационном пространстве текста, где сосуществуют, взаимодействуя друг с другом, лексические и нелексические наименования. Столкновение номинативных единиц (НЕ), представляющих разные способы номинации, является закономерным следствием поиска и выбора адекватного вербального знака денотата. Примечательно, что ЛН выступает при этом своеобразным ориентиром, гипотетическим знаком (что вполне объясняется виртуальностью лексического номинативного знака).

Формирование и развитие текста непосредственно связано с поиском и выбором говорящих тех или иных номинаций – как из ряда данных (обычно словарных), так и формирующихся в тексте на основании выбора признака наименования (атрибутики) адекватно цели высказывания.

Поиск имени денотата, наиболее полно отображающего его свойства (что всегда индивидуально ощущаемо), осуществляется говорящим постоянно. В монологическом высказывании это проявляется через уточнение, обобщение, развертывание

наименования или соотнесение нескольких названий в пределах контекста.

Собственно лексический план этого поиска может быть проиллюстрирован примером, когда внутри одного контекста сталкиваются экспрессивно-стилистические синонимы, ср.: *И, двойника нащупавший двойник, Сквозь легкое лицо проступит лик* (Цветаева). Однако значительно чаще встречается «межуровневое» взаимодействие наименований денотата, когда взаимодействуют производные лексического и нелексического способов номинации. Отметим некоторые случаи этого взаимодействия.

1. Уточнение номинации заключается в конкретизации АП, в подборе второго наименования, которое, с т. зр. говорящего, более адекватно сущности обозначаемого денотата. Ср.: *Ему вдруг вспомнилась она, то есть то, что оставалось еще от нее, когда он, как сумасшедший, вбежал в казарму железнодорожной станции...* (Л. Толстой).

2. Соотнесение нескольких номинаций, в том числе и лексических, часто строится на развитии атрибутивный признак (АП), объединяющего и одновременно различающего денотаты в тексте, ср.: *И вдруг совершенно другая не боль, а общая мучительная внутренняя неловкость заставила его забыть на мгновение боль зуба* (Л. Толстой).

3. Поиск адекватного наименования в тексте может носить полемический характер, когда внутритекстовая лексическая антонимия служит широким «фоном» для употребления и контаминации различных форм номинации: *Ту, что люди зовут весною, Одиночеством я зову* (Ахматова).

4. Поиск номинации может осуществляться через соотношение гипотетических форм «имен» денотата. Ассоциативный подбор атрибутов базируется на общетекстовом семантическом (тематическом) «стержне»: *Видно, и Чичиковы на несколько минут в жизни обращаются в поэтов; но слово «поэт» будет уже слишком. По крайней мере, он почувствовал себя совершенно чем-то вроде молодого человека, чуть-чуть не гусаром...* (Гоголь).

5. Обобщение нескольких номинаций различного типа, обычно образующих однородный ряд, осуществляется синтаксиче-

ски развернутыми наименованиями; ср. пример «двойного» (препозитивного и постпозитивного) обобщения посредством непредикативного и предикативного СН: *Всюду по лесу лежало разбросанное имущество: разбитые сундуки, стулья, одежда, упряжь, посуда, швейные машины, мешки с зерном – все, что в великой хозяйской жадности было схвачено и привезено при отступлении к Дону* (Шолохов).

6. Экспрессивно-стилистическое «нагнетание» СН может быть вызвано своеобразной эвфемистической «инерцией» экспрессии, когда говорящий, не находя адекватной однословной номинации денотата и осознавая невозможность ее найти, употребляет ряд развернутых знаков описательного (как правило, фразового) типа, ср.: *В журналах было много прекрасных стихов старых поэтов, чудесных строк, говоривших почти всегда об одном, – о том, чем полны все стихи и песни с начала мира, чем жила теперь и его душа и что неизменно мог он так или иначе отнести к самому себе, к своей любви, к Кате* (Бунин).

7. Текст открывает возможность поиска авторской дефиниции денотата, имеющего ЛН, причем возникающее синтаксическое наименование (СН) эксплицирует подчас не разъясняющую, а усложняющую суть явления атрибутику, ср.: *Выбор, сделанный под влиянием благородного или низкого чувства, не есть ли то, что должно называть храбростью или трусостью?* (Л. Толстой).

8. С выбором, поиском необходимой атрибутики и формированием внутренней формы номинативного знака в тексте связано очень важное его свойство: способность получать текстовое распространение за счет всевозможных ресурсов синтаксического осложнения в русском языке (второстепенные члены, обособления и уточнения, парентетические элементы, придаточные и др.). Ср. употребление развернутого атрибута, включающего ряд признаков деталей внутри СН: *Мысль о том, что он грубо обидел сейчас солдат, обидел тогда, когда от расчетов его батареи осталось двадцать человек, когда он*

должен быть добрей, ласковей с людьми, угнетала его (Бондарев). И т.д.

Во всех названных случаях (а мы выделили далеко не все, что характерно для поиска номинации в русском языке) наблюдается реальный процесс закрепления линейными средствами текста индивидуально ощущаемой говорящим (и подчас не реальной, а виртуальной) денотативной сущности. Мы еще раз убеждаемся в том, что в тексте номинация носит динамичный характер. Проявляется действие принципа субъективного, индивидуально ощущаемого восприятия явлений и дифференциации их атрибутики – нельзя всем смотреть на мир одними и теми же номинационными «глазами». Лексический словарь претендует на каноничность и универсализм своих единиц, допуская известные моменты окказионализации, однако любое окказиональное словесное обозначение становится таким же условным, как и узуальное. Атрибутика ЛН, определяющая его внутреннюю форму, приобретает статичный характер, выступая свернутой, имплицитной. Эксплицирование атрибутики – единственный путь, чтобы успеть за вечно меняющимся, ускользающим образом денотата. Множество состояний, ощущений, впечатлений – того, что мы испытываем, – остается вне «поля» номинации, поскольку не «укладывается» в знаковую атрибутику, а потому и в номинационные «рамки». Та же фразовая номинация (ФН) – средство обозначения, являющееся весьма универсальным и тонким, – не всегда способна решить задачи обозначения в акте коммуникации: ведь далеко не случайно ФН может включать в свой состав лексические средства, обозначающие то же, что уже названо описательно, ср.: *Ту, что люди зовут весною...* (Ахматова).

Заметим, что поскольку денотация неисчерпаема, то возможность взглянуть на объект с разных сторон в рассматриваемом случае – это вполне объективная и закономерная реальность. Потенциал атрибутики также неограничен, и человеческий опыт подсказывает носителю языка, интуитивно осуществляющему поиск на-

именования в тексте, путь, **адекватный его представлению о сущности денотата.**

Взгляд на номинацию с точки зрения употребления в корне меняет наше представление об обозначении, которое предполагает видеть в номинации более сложную, чем принято, картину. Включенные в акт наименования ЛН подчиняются действию более сильных закономерностей – закономерностей связного текста (СТ). Можно предположить, что номинация как обозначение имеет **многочисленный характер.** Хотим мы того или нет, но мы неизбежно подходим к обозначению **синтетически**, одновременно представляя себе денотат в номинационном поле множества обозначений. Ассоциативное «видение» объектов мира объективно связано с несколькими планами выражения денотата, в том числе лексическим и синтаксическим, причем лексический план представляет идеальное имя предмета, а синтаксический – его реальное имя, то наименование, которое употребляется в речи и которое, по сути дела, и воспринимается в коммуникации.

Говоря о «восполнении словарной недостаточности», мы совсем не имеем в виду какой-то «ущербности» словаря, его лексико-семантического и лексико-деривационного потенциала. Просто в языке сосуществуют различные способы номинации, не отрицающие, а дополняющие друг друга, помогающие один другому в реализации возможностей обозначения, заложенных в языковой системе (3, с. 272). Эти возможности постоянно реализуются в условиях речевой практики, в частности – при необходимости решения таких функционально-прагматических задач, как обновление дефиниционных и дескрипционных характеристик денотата, новая интерпретация его АП (признаков), решение задач эвфемизации, внутренней «полемики» при выборе наименования, осуществление собственно поисковых задач в процессе установления сущности явления, не имеющего словарных номинационных аналогов, и др.

Следует еще раз подчеркнуть: когда мы говорим о недостаточности словаря, то должны помнить: она носит индиви-

дуально ощущаемый характер. Это значит, что именно словарь говорящего (автора) является той лексической «точкой отчета», которая служит опорой при построении высказывания, при выборе словесного материала для его организации.

Словарь говорящего – это прежде всего тот лексикон, который потенциально включает все единицы, обладающие семантической ценностью на данном отрезке развития языка. Но это также проявление способности включать называемое в конкретную речевую ситуацию, осуществление собственно акта наименования в тексте. **Номинация – это все то, что предназначено для прагматики высказывания, иными словами, номинация семантики – и есть содержание коммуникации, однако обозначение семантического содержания коммуникативной единицы складывается из ряда номинационных составляющих уже плана употребления, а не значения.** Вот почему понятие словаря не может быть ограничено только лексической стороной. Номинация же пропозиции в этом случае не раскрывает глубины конкретных связей денотативных сущностей, включаемых в коммуникацию. Индивидуально ощущается при этом не словарь лексем и не «словарь» самостоятельных СН, а словарь возникающих в тексте отрезков коммуникации, которые и воплощают в сознании говорящего мир денотации – явление сложное и никогда до конца не раскрывающееся, а потому и не закрепленное полностью за ЛН. Каждая новая речевая ситуация – это всякий раз поиск, причем не только нового явления и средства его выражения, но и индивидуально пути обозначения старых, привычных явлений и предметов с целью выявления их новых признаков, внутренних свойств и качеств, их связей между собой и выражения к ним своего отношения. При этом осознаются такие состояния как физическое, так и психическое свойства, номинация которых может быть осуществлена только при непосредственной опоре на текст.

Поэтому в понятие активного словаря говорящего неизбежно должно входить не только знание общепотребительной

лексики, представление о богатстве лексического фонда языка, способностях лексико-деривационного плана и возможностях неологизации, но и понимание потенциала обозначения, опирающегося на возможности дескрипционного и дефиниционного порядка, а следовательно, и свойств синтаксических моделей русского языка, организующих номинацию в тексте. В итоге словарь текста «творится» носителем языка на реальной, объективной языковой основе, но – индивидуально, а потому и субъективно. Во всяком случае, потенциальная гибкость, способность удовлетворять потребностям коммуникативной и номинационной ситуации – это момент индивидуально-речевого плана. Формируя высказывание, мы выбираем не собственно лексику, а номинационные знаки, опираясь на потенциал словаря языка и реальные условия употребления в той или иной синтаксической форме.

Так мы переходим **от недостаточности словаря языка к гармонии семиозиса номинации в тексте**. Она проявляется только на уровне СТ как универсальная возможность удовлетворить любые потребности в обозначении. В принципе, не существует такого реального или виртуального денотата, который бы не мог получить свой номинационный знак, если мы не рассматриваем номинацию только как прерогативу ЛСН. Гармония семиозиса определяется способностью говорящего найти в тексте равнодействующую трех составляющих – семантической, синтаксической, прагматической и ее воплощение в конкретных номинационных знаках. В любом называющем знаке происходит взаимодействие семантики и синтактики, что непосредственно отражается на его функционально-прагматическом состоянии.

Достижение гармонии словаря возможно только в СТ, когда реализуются: а) семантический потенциал ЛН; б) синтаксические условия включения ЛН в текст; в) конкретные функционально-прагматические задачи, связанные с употреблением ЛН, когда выявляется «энергема имени» (6, с. 68).

* * *

Очень часто привычное и очевидное является далеко не таким, каким мы его себе традиционно представляем.

Так, понимание синонимии как «общности номинации, т.е. способности разных единиц обозначать одну и ту же реалию» (7, с. 284) основано на неизменяемости денотата, те или иные оттенки значения которого дифференцируют обозначающие его синонимические единицы. Но в номинационно-синонимическом ряду – как одноуровневом, так и межуровневом – обозначаемое в каждом данном случае поворачивается к своему новому знаку **новой же стороной**, что и определяет, во-первых, сам статус синонимии, а во-вторых, расширение возможностей обозначения, поиск знаков, адекватных новому состоянию денотата, точнее – новому увиденному в нем ракурсу (не смешивать с неологизацией как средством означивания нового денотата). И чем протяженнее номинационное пространство знака, тем, естественнее, шире и разнообразнее атрибуция, а следовательно, и возможности обозначения, выбора номинационного средства (уже, как правило, однословного типа).

В номинационно-синонимическом ряду «борец – борющийся человек – тот, кто борется – человек, который борется», рассматриваемом вне текста, вне условий текстового употребления, наблюдается семантическая сбалансированность всех членов парадигмы. Однако в тексте возникает возможность (поскольку есть синтаксические условия) для увеличения пространства номинационного знака, а следовательно, и для расширения его функционального спектра (ср.: Мы с **теми, кто борется за свободу совести и слова**). Номинационный знак как бы насыщается энергетикой текстового пространства и открывает перспективу выражения тех атрибутивных моментов, которые представляются говорящему необходимыми и «извлекаются» из денотации, открывающейся всякий раз с новой стороны.

Утверждение о том, что синтаксис буквально пронизан лексикой (8, с. 6), предполагает непосредственную связь ЛН и синтаксических структур, которые они

наполняют, занимая определенную синтаксическую позицию в тексте. Однако очень важно представлять себе, что СН не являются «увеличением» ЛН на более высоком уровне языковой организации. СН соотносится с ЛН постольку, поскольку соотносимы признаки одного и того же денотата, рассматриваемого под разными углами зрения.

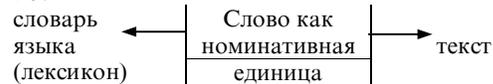
ЛН было бы уникальным, универсальным и всеобъемлющим номинационным знаком, если бы язык существовал вне речи, вне речевой деятельности. Но речь, явление живое и динамическое, открывает перед словарем языка перспективу расширения возможностей обозначения. СН появляется в тексте как результат поиска знакового абсолюта говорящим, адекватного, с его точки зрения, денотативной сущности. Словарная номинация – конечная цель этого поиска, однако всякий раз мы достигаем ее только одним путем – путем атрибутивного осмысления и представления называемого в нерасчлененной или расчлененной знаковой форме СН.

Универсализм ЛН как бы «выстрадан» употреблением в качестве (или в составе) СН. СН – это не только путь к ЛН, но и одновременно функциональный результат. В этом и заключается динамика поиска атрибутики.

Парадокс ЛН состоит в том, что слово как часть речи (например, имя существительное) полностью не удовлетворяет потребностям номинации. Так как номинация семантики есть содержание коммуникации (и то же имя существительное, реализуя этот принцип, может стать коммуникативной единицей только в определенных текстовых условиях, образуя особую НЕ текстового уровня обозначения), для выполнения элементарной номинативной функции слово должно стать частью текста, неизбежно выступая в качестве определенной СЕ. Однако на этом уровне номинационная функция имен существительных, равно как и других частей речи, условна в том смысле, что атрибуция как основа номинации в них имплицирована (в местоимениях это явление достигает предельно условного характера). Лексический характер речевой

уровень характеризуется различной степенью проявления способности называть, но это как раз и есть потенциал номинации, определяющий участие ЛН в образовании СН.

Как известно, академик Л.В. Щерба связывал номинативность слова с выделяемостью его из предложения, с его *potence minimum* (9). Это, так сказать, номинативность, обращенная к словарю, к фонду языковых значений, семантическому потенциалу языка. С другой стороны, то же слово, оказываясь в условиях употребления, не теряет своих номинативных свойств, реализуя в тексте номинативность, обращенную к условиям данной ситуации, которая требует конкретизации словарной семантики. В слове как единице языка и речи контаминированы два номинативных плана, один из которых обращен в сторону словаря языка, а другой – в сторону текста. Это свойство номинационной бинарности слова представляется весьма важным при объяснении сосуществования двух способов номинации – лексического и синтаксического.

В основном при словоупотреблении наблюдается динамическое равновесие функциональных номинативных планов. Когда же оно нарушается, включаются синтаксические механизмы словоупотребления и номинационное пространство лексического знака в тексте расширяется. Делает это уже СН, осуществляющая **семантико-синтаксическое расширение** лексического знака, закрепившегося за определенной синтаксической позицией в тексте. Ср.:

- 1) Кочегар – рабочий, обслуживающий топку паровых котлов (10, с. 117).
- 2) Скрежетала ржавая рулевая цепь, две чайки плавали вокруг трубы, и влажные клювы их, попадая в луч, вспыхивали, точно алмазные.

Рядом заплакал толстоголовый греческий ребенок, и его мать стала в сердцах плевать на него, чтобы как-нибудь его ус-

покоить. И вылезал на палубу **кочегар, весь черный, с глазами, подведенными угольной пылью, с поддельным рубином на указательном пальце.**

Вот такие мелочи... запомнил Ганин (Набоков).

Мы видим, что речевая деятельность говорящего (автора) опирается на возможность выявить потенциальную способность отдельного слова как факта словаря языка к распространению в тексте и образованию на базе определенной синтаксической модели развернутой дескрипции, являющейся комплексным номинационным знаком.

В ЛН как аккумуляторе номинационной энергии сбалансированы различные планы: семантический, структурный, экспрессивно-стилистический, конвенциональный. Их «разбалансировка» и связана с явлением т.н. словарной недостаточности, которая восполняется в тексте прежде всего за счет употребления номинационно-аналитических сочетаний. Если же возникает потребность в расширении пространства номинационного знака, то в обозначении участвуют уже не однословные СН и их номинационно-аналитические аналоги, а СН расчлененного типа.

Таким образом, ЛН, представляя ЛСН на низшем уровне номинационной конверсии (субуровень), выступает нерасчлененной НЕ, «материалом», предназначенным для формирования единиц более высокого номинативного уровня и одним из важнейших «результатов» проявления всего номинационного цикла.

Поэтому любое «расширение» словаря языка связано не с изысканием новых способов обозначения, а с изменением взгляда на соотношение плана содержания и плана выражения применительно к номинации. ЛН уникальна как средство закрепления и хранения смысла, но что касается включения этого смысла в активную коммуникацию, то это уже задача иного подхода к обозначению, для которого целью оформленность ЛН не может служить критерием характеристики называющего знака. Синтаксическую позицию знака, соотносящегося с денотатом, занимает НЕ, подчиняющаяся другим, чем ЛН,

закономерностям, среди которых выделяются диффузность семантики, линейная сочетаемость и дистрибуция, интерференция разного типа и др. ЛН уникальна постольку, поскольку решает свои функциональные задачи на своем участке языковой деятельности, однако нельзя считать словарь языка прерогативой обозначения, так как в номинации представляется, видимо, важным не только словообразование, но и словоупотребление. При этом проявляются аналитические тенденции, когда образуются расчлененные наименования, соотносящиеся своей семантикой с ЛН, а структурой – с синтактикой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гак В.Г. К эволюции способов речевой номинации // *Вопросы языкознания*. – 1985. – № 4. – С. 28-42.
2. Буров А.А. *Субстантивная синтаксическая номинация в русском языке: Автореф. дис. ... докт. филол. наук*. – Ставрополь, 2000.
3. Гак В.Г. *Языковые преобразования*. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.
4. Шмелев Д.Н. *Современный русский язык: Лексика*. – М.: Просвещение, 1977.
5. Ахманова О.С. *Словарь лингвистических терминов*. – М.: Советская энциклопедия, 1969.
6. Лосев А.Ф. *Философия имени // Самое само: Сочинения*. – М.: ЭКСМО-Пресс, 1999.
7. *Русский язык: Энциклопедия* / Гл. ред. Ф.П. Филин. – М.: Советская энциклопедия, 1979.
8. *Русская грамматика*. – М.: Изд-во АН СССР, 1980. – Т. II.
9. Щерба Л.В. *Из лингвистического наследия: О задачах лингвистики...* // *Вопросы языкознания*. – 1962. – № 2. – С. 96-101.
10. *Словарь русского языка в 4-х т.* / Ред. А.П. Евгеньева. – М.: Русский язык, 1984. – Т. IV.

Об авторе

Буров Александр Архипович, доктор филологических наук, профессор, заведует кафедрой русского языка Пятигорского государственного лингвистического университета с 1984 года. Автор книги-монографии в 3-х частях «Синтаксические аспекты субстантивной номинации в современном русском языке» (Пятигорск – Ставрополь, 1999), ряда учебных пособий по культуре речи и стилистике русского языка, более 100 статей, опубликованных в вузовских сборниках, а также в журналах

Буров А.А.

«Лексический способ номинации и номинационно-синтаксическая...»

«Русский язык в школе», «Русский язык в национальной школе», «Русская речь». Область научных интересов – теория номинации и лингвистика текста. Является заместителем редактора журнала «Русский язык и межкуль-

турная коммуникация» (ПГЛУ), руководит аспирантурой по специальности «Русский язык». Награжден нагрудным знаком «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации».

